РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

М.М. Полехина, Н.О. Осипова

Аннотация. *В статье рассматривается бинарный характер русской культуры первых пореволюционных лет, являющейся частью мировой культуры и вместе с тем сохраняющей свою уникальность и самобытность. Парадоксальность отдельных фактов русской истории, а именно события революции 1917 года, нашли отражение в особенностях художественного сознания русских писателей, репродуцируясь в трагическом характере их произведений.*

В отличие от западноевропейского художественного творчества, для русской литературы первых послереволюционных лет характерна не троичность, а дуализм художественных изысканий. Бинарные построения русской культуры нередко направлены на полное уничтожение предыдущего опыта в философско-эстетической системе как несовершенного и нежизнеспособного. Построения русской культуры в двуполюсном художественном пространстве определялись высшими ценностными ориентирами. Однако русская жажда абсолютной свободы на практике оборачивалась кровью и насилием, абсолютизация любви – враждой и ненавистью. Это выражалось в стремлении писателей свести европейскую триаду к диаде, путь компромисса и поиска истины представить как путь над схваткой, путь в никуда.

Поддерживая мысль теоретиков литературоведения о дуальной основе русской культуры, мы рассматриваем возникновение новых гуманистических смыслов, осуществляющихся между полюсами дуальной оппозиции. Здесь имеется в виду не срединная плоскость, а сфера, находящаяся вне этих основных зон. Лучшие образцы русской литературы первых послереволюционных лет устремлены к преодолению дуальности, равновесию полюсов, к прорыву в новые художественные сферы.

Ключевые слова. Полилог культур, амбивалентность сознания, русская литература, революция.

Введение. Вопрос о характере русской культуры и литературы первых послереволюционных лет сохраняет свою актуальность, расширяя представления об отечественном историко-литературном процессе XX в., что позволяет приблизиться к объективной оценке произведений, в которых русская революция стала предметом философско-эстетического осмысления. Являясь естественной частью мировой художественной культуры, русская литература всегда была обращена к общечеловеческим ценностям, в которых черпала свои темы, героев, психологические коллизии.

События революционной эпохи изменили парадигму сознания русских художников, их устойчивые представления о незыблемости всего сущего. Новая эстетическая программа художественного творчества складывалась под воздействием нового взгляда на искусство, мир и человека, отражая важнейшие исторические, общественные и культурные процессы текущей жизни. В статье рассматриваются семиотические принципы теории бинарных и тернарных структур, формирующиеся в культурно-историческом и антропологическом пространстве русской литературы первых постреволюционных лет.

Теоретические основания исследования

Проблема амбивалентности русской культуры первых послереволюционных лет XX в. рассматривалась в работах многих отечественных и зарубежных учёных, литературоведов, мыслителей, поэтов и писателей[1].

Поддерживая мысль теоретиков литературоведения о дуальной основе русской культуры, авторы статьи рассматривают возникновение новых гуманистических смыслов, осуществляющихся между полюсами дуальной оппозиции. Лучшие образцы русской литературы первых послереволюционных лет на фоне усиления свойств дуального сознания, обусловленного противостоянием идей, устремлены к преодолению дуальности, к равновесию полюсов, к поискам новой художественной реальности и универсальных ценностей. Исходной позицией наших размышлений являются положения теоретиков-литературоведов о бинарной структуре русской культуры и литературы, концептуализированные Ю. Лотманом и поддержанные М. Эпштейном.

Так, Ю. Лотман, исследуя бинарную структуру русской культуры, , выразил надежду, на преодоление «сурового диктата бинарной системы» и переход на общеевропейскую тернарную систему [11, с. 270]. Позицию Лотмана по многим параметрам разделяет Михаил Эпштейн, утверждая, что русская культура строится в «двуполюсном ценностном поле, разделённом резкой чертой».. Переход на общеевропейскую тернарную превратил бы эту резкую черту в широкую нейтральную полосу по отношению к моральным оппозициям. В этом случае расчищается поле для инновационных направлений в развитии литернатурного творчества. В контексте подобных идей любопытны размышления Н. Бердяева об антиномичности как ментальной особенности русского характера. Он считал, что главная причина этого заключалась в несоединённости мужественного и женственного в русском духе и русском характере [7, с. 5].

Анализируя амбивалентность русской культуры, А.С. Ахиезер пришёл к выводу, что деление культур на дуальные и тернарные вообще не имеет смысла. Он считает, что организационная струкиура любой культуры всегда дуальна, которая за счёт оппозиция двух её полюсов рождает некий третий элемент в виде содержащей инновационные элементы срединной культуры. В культуре России

[1] Среди наиболее известных из них: А.С. Ахиезер, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.К. Кантор, В.Ф. Кормер, В.А. Кутырев, Ю.М. Лотман, А.П. Назаретян, Г.С. Померанец, К.Э. Разлогов, В.М. Розин, В.С. Соловьёв, О.С. Суворова, Е.Н. Трубецкой, Л.В. Фесенкова, Ю.В. Хен, Е.Н. Шульга, М.Н. Эпштейн, Е.Ю. Юкина и др.

исторически закрепилось, по его словам, противостояние такого рода срединной культуре. Она проявляется в стремлении сведения культурной триады к диаде. Для русского человека третий путь, как путь компромисса и позиции над схваткой, нередко становился стезёй предательства, дорогой в никуда (в качестве примеров приводя судьбу героя Максима Горького Клима Самгина, героев Константина Федина, трагедии шолоховских персонажей и т.д.) [2, с. 372-374].

Выражая однозначную позицию по отношению к свершившейся в России революции, Н. Бердяев одним из первых спрогнозировал её будущее, исходя из принципа, что хороших, прекрасных революций никогда не было и быть не может [5, с. 437]. Для Бердяева всякая революция есть смута, процесс разложения старого общества и культуры, а природа революции такова, что она должна пройти до конца, должна изжить свою яростную стихию, чтобы, в конце концов, претерпеть неудачу и перейти в свою противоположность [5, с. 442; 6; 7].

Авторы в настоящей статье исходят из того, что Великая русская революция 1917 г. определила пафос отечественной литературы и культуры первых послереволюционных лет, а также стилистику, риторику и жанровые формы литературно-художественных опытов XX века.

Исследование: основная часть

Творческий процесс первых пореволюционных лет рассматривается в статье как некий прорыв в художественном сознании к освобождению, просветлению и преображению мира; наконец, как творение «нового бытия»... Возвещая о красоте и истине нового мира, разбуженного революцией, российские художники, разделяя смысл волевой концепции ницшеанского художника, старались на деле реализовать идею субъективной свободы и безграничного своеволия. С одной стороны, проповедовалось уничтожение старого мира во имя преображения человека и его деяний, с другой – поддерживались авангардистские мечты и устремлённость в будущее. На какой-то момент возникло ощущение новой исторической миссии, новой волны Ренессанса, «радости избыточного творчества». В известной мере доминировала надежда, что из революционного хаоса может родиться гармонию, новое искусство на границах добра и зла, ненависти и милосердия, классической традиции и новых экспериментов 1910–1920-х гг. Амбивалентность как трагедия «нераздельности и неслиянности» с революцией, о чём писал А. Блок, воплощалась:

– в двойственной структуре художественного целого;

– в расщеплении идей и образов;

– в контрастах сюжетостроения;

– в отсутствии целостности и завершенности всей системы художественных ценностей.

Обнажилась природа нового гуманизма, который представлялся «невинным и возвышенным». Стало очевидно, что главной «религией» становится идея революционного преобразования-преображения, которая провела ещё более резкую грань между полярными силами. В связи с восприятием событий революции и последующей за ней войны как катастрофы, гибели цивилизации, явления апокалипсиса писатели обращаются к эсхатологическим темам, чтобы художественно запечатлеть трагедию происходящего: смерть, насилие, деформация сознания и самого мира становятся знаковыми темами русской литературы. Иррациональная стихия вьюги, метели, пурги, образы, широко используемые в русской классической литературе, были подхвачены Александром Блоком и реализованы двумя типами образности – сновидчески-маскарадной и апокалиптической [13, с. 208-222].

Для Ивана Алексеевича Бунина революция стала началом безусловной гибели России в качестве великого государства. Максимилиан Волошин увидел в революции катастрофическую гибель всего прежнего жизненного уклада и зарождение неведомого нового [10, с. 379]. Изначально иной была позиция Вла-

димира Маяковского. Для него вопроса «принимать или не принимать» не было. Это блыа его революция, он пошёл в Смольный м делал всё, что юбыло необходимо [12, т. I, с. 25]. Маяковский одним из первых поэтов воспринял всерьёз явление социального заказа и, более того, сделал его главным принципом своего творчества.

Выступая «глашатаем революции», «всех правд на земле», Маяковский видел в революции прежде всего гуманистическую сущность, счастье для всех, изумительное завтра. Любовь, смерть, борьба, ненависть, милосердие и мародёрство – всё было важно, значительно, достойно внимания и поэтического осмысления. Но и в декларируемом Маяковским утопизме восприятие революции выражено в знаках антиномичных семантических рядов.. В то же время Маяковский остаётся в границах дуального сознания, в его поэтическом мире нет полутонов – поляризация признаков отражает вектор классового сознания, которое уничтожает все промежуточные параметры. Его поэтическая мысль располагается вокруг жёстких универсалий [12, т. II, с. 12, с. 145].

Зато Цветаева, рассматривая мир поэзии как третью, поэтическую действительность, стоящую выше всего земного, как лирический, внечеловеческий мир, который находится над схваткой, верила, что неизменно стоять вне мира реального, быть «за каждого», воспевать любовь к некоему абстрактному человеку, – единственно верный для поэта путь. Преодоление дуальности приводит к расширению нравственно-философского плана поэзии, преодолению жёсткой идеологической парадигмы. Таково одно из лучших её стихотворений такого ряда: «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь…». Написанное в жанровой стилистике причети (плача), стихотворение снимает все политические характеристики: человеческая правда располагается вне зоны противостояния, разрушая дуальную оппозицию «свой-чужой» и открывая новое пространство смыслов.

Сложный процесс формирования тернарных структур в русской послереволюционной общественной мысли и литературе наиболее отчётливо прослеживается в эволюции художественно-эстетического сознания эмиграции. Сформировавшись на волне ненависти и абсолютного отрицания Октябрьской революции, творчество писателей-эмигрантов прошло долгий путь к пониманию глубоких связей обеих культур и попытке преодоления раскола. Общественная и литературная мысль эмиграции в поисках «третьей реальности» опиралась на традиции русской классической литературы, которая стала общей платформой для двух кофликтующих сторон.

Обострившаяся в дореволюционный и послереволюционный периоды антиномия своего/чужого отразила особенности репрезентации национально-культурной идентичности, проблема которой резко обострилась на фоне формирования двух ветвей русской литературы – метрополии и эмиграции. В этом аспекте оппозиция свое/чужое встраивается в модель «корни и крона», которая репрезентирует сразу два полюса проблемы (как системную дихотомию явления и как соотнесённость понятий «источник-следствие»). К этой метафоре, встречающейся ещё у Гиппократа, обращались в разное время:

– М. Цветаева в эссе о С. Волконском («Кедр»);

– А. Белый, утверждая, что «акт революции двойствен; он – насильствен, он – свободен; он есть смерть старых форм; он – рождение новых; но эти два проявленья – две ветви единого корня» [4, с. 301];

– об этом писал и писатель В. Кожевников, назвав один из своих романов «Корни и крона».

В ситуации культурного раскола эмиграции и метрополии (как это свойственно всем переходным эпохам) решать проблему идентичности можно было только в ситуации диалога, причём обе стороны болезненно переживали данное положение, провоцировавшее остроту диалога –

зачастую непримиримого, гипертрофированного. Культурным ядром диалога был принцип зеркальности, пристального вглядывания друг в друга. В небольшом позднем фрагменте «Человек перед зеркалом» М. Бахтин осмыслил философию такой зеркальности как «диалогической модели ближнего»: в зеркале личность видит не себя, а лицо, которое она намерена показать другому. Отсюда в человеке «перехода» обострённое стремление к смене феномена «другой» на «чужой». Когда «невозможно отличить – я ли это или мой минотавр, мой подпольный человек, мой черный человек» [3, с. 71].

Не случайно, например, и в литературе метрополии, и в литературе эмиграции отмечается новая волна лирических героев-двойников (Б. Пастернак, С. Есенин, В. Ходасевич, М. Цветаева, В. Набоков и др.), что свидетельствует о мучительных противоречиях в художественном сознании самих поэтов. Подобное стремление к противоборству и установление различий между двумя векторами, по мнению С.С. Аверинцева, – это неотъемлемая особенность российской культуры, унаследованная от Византии. [1, с. 239].

Раскол русской цивилизации на Советскую Россию и русское зарубежье был в большей степени социокультурным и геокультурным, чем сущностным. Отсюда – мучительное балансирование между самой ситуацией раскола и сохранением единства. Г. Федотов, говоря о противоречивом понимании русскости в среде эмиграции, использовал по отношению к русской ментальности понятие «двоецентрия», «двухжелткового яйца», «эллипса с двумя разнозаряженными центрами» [17, с. 173]. Послереволюционный диалог двух ветвей русской литературы отразил типичную для русской культуры остроту борьбы идей. В то же время русская литература, сохраняя пыл полемики, категоричность оценок, склонность к мифотворчеству, обретала искомую целостность и системность в поисках некоего «третьего пути».

Попытку преодолеть антиномичность противостоящих идеологий путём выхода на новое понимание закономерностей развития русской истории и культуры предприняло евразийство, в идеологии которого устойчивая модель оппозиции «свой/чужой» переходит в модель «свой/другой». Не без влияния евразийства, идеи которого были глубоко укоренены в русской национальной традиции, сквозь призму «пассионарности» эмиграция оценивала постреволюционную литературу. Например, анализируя концепцию смерти в творчестве таких писателей, как А. Фадеев, Б. Лавренев, В. Катаев, М. Казаков и др., эмигрантская критика рассматривала экзистенциальную природу танатологических мотивов, воплощённых в натуралистической образности, гиперболизации, экспрессионистических деталях, интересе к подсознательному [16, с. 493-506].

Амбивалентное звучание получила в литературе эмиграции и идея духовного скифства, выражая, во-первых, бунтарство и стихию в ментальном значении, а во-вторых – онтологию изгнанничества и бездомья. С одной стороны, такое представление конституировало культурно-историческую связь эмиграции с Советской Россией, с другой – отразило геокультурный статус эмигранта (отсутствие гражданства, юридическое бесправие, безработица и т.д.). Устойчивость и жизнеспособность мифологемы скифства были обусловлены целым рядом факторов: историософским, социокультурным, культурно-психологическим и т.д.

В сложном переплетении античного, скифского, фольклорного, цыганского мотивов представлена тема творчества в поэзии М. Цветаевой. По своей сути, цветаевская интенция восходила к дооктябрьской метафоре «кочевников красоты», в разных поэтических «изводах» нашедшей отражение практически у всех поэтов первой трети XX в. Неожиданное звучание скифская тема прозвучала в поэме М. Цветаевой «Крысолов» (1925), где метафора скифства-варварства получила вполне определённую историческую коннотацию в главе «Напасть». Звучание «крысиного» лейтмотива приобретает

экзистенциальный смысл и в осознании катастрофичности, хрупкости человеческого существования и цивилизации в целом, не защищённой от «нового» варварства, несущего разрушение и хаос.

В «Крысолове» эта тема решена в гротесково-сатирическом ключе, одновременно воплощаясь в неомифе о «звериной» угрозе. Атмосфера двойной катастрофы, случившейся и грядущей, придаёт «крысиному» образному миру – жалкому, пустому, никчёмному, – характер важности и значительности. Погружённый в быт, с одной стороны, и в исторический контекст – с другой, этот абсурдистский трагифарс вместе с тем строится как философская притча: убогие, крикливые, звероподобные персонажи вырастают в героев современного мифа, современной эксцентриады.

В свете сказанного следует указать и на репрезентативность ведущих эсхатологических тем русской поэзии первых пореволюционных лет XX вв. – смерти, небытия – в системе оппозиций: *бытие/небытие, жизнь/смерть.* И как проблески другого сознания – *инобытие*, пространственно-временной локус, ассоциирующийся ни с тем, ни с другим, а с третьим миром. Эти оппозиции формируют систему концептов, отражающих вектор философско-эстетических исканий писателей в системе образно-семантических особенностей идеостиля. Концепт *бытие*, отражая национально-культурную, ментально-психологическую, ценностно-эстетическую особенность русского человека, входит в определяющие характеристики его духовного мира в период революции и гражданской войны. Данный концепт включает в себя все оттенки значения *быть* (жить, бытовать, существовать, проявляться, находиться, видеть, слышать, любить). Он включает также свои предметные значения – мир, природа, жизнь, вселенная и противостоит концептам *небытие, смерть.*

В художественной картине мира рубежных эпох концепт *смерть* рассматривается сквозь онтологическую призму «жизнь – есть бытие-к-смерти» [18], как ментальный, эстетический и аксиологический феномен. Концепт *смерть* амбивалентен по своей этимологической составляющей. С одной стороны, *смерть* несёт отрицательные коннотации (конец земного существования), с другой стороны, *смерть* – благо, освобождающее от бремени ложного существования. объективная субстанциальность концепта *смерть* соотносится с концептом *жизнь* с негативной коннотацией как: 1) нежизнь; 2) небытие; 3) конец существования; 4) прекращение биологической жизни. В годы Гражданской войны Цветаева открыто выразила свою позицию по отношению к этому концепту [19, т. I, с. 555].

Индивидуально-авторское осмысление *смерти* осуществляется в направлении образных характеристик данного понятия, актуализации философско-эстетических параметров: пространственно-временных, перцептивных, аксиологических. И если *жизнь* связана с горизонтальным локусом пути, дороги, судьбы, то пространственный локус концепта *смерть* направлен на обозначение вертикально-горизонтальных характеристик человека в макрокосме. Индивидуально-авторские номинации локуса смерти в творчестве Цветаевой обозначены *адом, огнь-синью, водной стихией* и имеют определённые пространственно-временные параметры.

Поэзия пореволюционной эпохи даёт нам огромное количество подобных репрезентаций, позволяющих проследить динамику становления и особенности художественного воплощения обозначенных философско-эстетических категорий в литературных текстах:

– «Земля горит, а сердце – смерти просит» [19, т. I, с. 558];

– «Я и жизнь маню, я и смерть маню / в лёгкий дар моему огню» [19, т. I, с. 424);

– «И с этой самой песней / На устах – о жизнь! – встречаю смерть» [19, т. I, с. 409];

– «Где кресты твои святые? - Сбиты./ Где сыны твои, Москва? - Убиты» [19, т. I, с. 380];

– «Не пожар тушу / Свою смерть пляшу/ С гиготом! С топотом!» [19, т. III, с. 296].

С концептами *бытие/небытие* в творчестве поэтов послереволюционной эпохи естественным образом связан концепт *инобытие*. *Инобытие* – не попытка примирения жизни и смерти, а субстанциальное, качественно новое бытие, бытие вне времени и пространства, некая третья ипостась, другая действительность, противостоящая абсурду бытия. В какой-то степени здесь речь идёт о поэтике «уравнивания противоположных сущностей» – через семантику отдельных художественных образов перемещение в иное художественное пространство и время, космическое, вселенское *бытие*.

Индивидуально-авторское представление об *инобытии* у Цветаевой, например, – это условный топографический локус, связанный с новыми землями, неземными широтами, безвестным краем, осиянным градом, вечным домом, прохладным садом, райской гаванью и т.д. Приметы другой реальности: «Даль – тридевятая земля!», «Даль – прирождённая как боль!»,. И наконец: «Даль, говорящая: «Вернись/ Домой!» [19, т. II, с. 302].

Дом ассоциируется поэтом с *иным* пространством, сопряжённым с истинным домом, тридевятым царством: «страной Мечты и Одиночества, где мы Величества, Высочества» [19, т. I, с. 493]. Так отвергалась мысль о статичности всего сущего, о дуальности и неизменности мира в своих основных характеристиках, во имя утверждения подлинной духовности, вечного порыва человеческого духа в сферы запредельного, в сферы иной, третьей реальности. М. Эпштейн ответ на актуальные вопросы бытия, животворящее начало мира находит в творчестве Мандельштама. Вечные вопросы жизни, смерти, бессмертия, добра и зла, Творца и творчества пронизывали сознание художника. «Во мраке незнания, через отрицание всех своих возможных определений, постигался Бог. Он не существует в том смысле, в каком существуют предметы окружающего мира. Он укрепляется в каждой живой душе, обретая свои реалии, своё «Я», отвергая самою мысль о какой бы то ни было системе дуального представления о мире и человеке [20, с. 226-227].

Заключение

Итак, обращаясь к семиотическим принципам бинарных и тернарных структур, формирующихся в культурно-историческом и антропологическом пространстве русской литературы первых послереволюционных лет, мы поддерживаем концепцию литературоведения о дуальной основе русской культуры. Рассматривая послереволюционное художественное творчество как большой заданный текст, мы выделили в нём систему культурных кодов – пространственно-временных, предметно-функциональных, чувственных. Здесь хорошо просматриваются семиотические ряды оппозиции своё/чужое, дом/бездомье, родина/чужбина, дорога/бездорожье, жизнь/смерть, добро/зло и др.

Однако мы склонны видеть в сложившейся системе возникновение новых гуманистических смыслов, осуществляющихся между полюсами дуальной оппозиции. Здесь имеется в виду не срединная плоскость, а сфера, находящаяся вне этих основных зон. Лучшие образцы русской литературы первых послереволюционных лет направлены на преодоление дуальности, через равновесие полюсов к прорыву в новые художественные сферы. Этим обусловлен высокий интерес к русской литературе в полилоге западноевропейских культур. Познать её – задача современных филологических исследований, отечественной и мировой науки.

Список литературы:

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320 с.
2. Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования. Взгляд из России // Вопросы философии. 1995. №12. С. 3-20.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т.5. М.: Русские словари, 1996. 732 с.
4. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 301 с.
5. Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х томах. Т. I. М.: Искусство, 1994. 542 с.
6. Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. II. М.: Искусство, 1994. 510 с.
7. Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1971. 540 с.
8. Бунин И. Окаянные дни. М.: Молодая гвардия, 1991. 336 с.
9. Вейдле В. О поэтах и поэзии. Париж: YMCA-Press, 1973. 204 с.
10. Волошин М. Стихотворения и поэмы. В 2-х томах. Т. I. Париж: YMCA-Press, 1982. 379 с.
11. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Ю.М. Лотман. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПБ, 1998. 487с.
12. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. В 13-ти т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955-1961. Т. 1 – 464 с., Т. 2 – 520 с., Т. 3 – 640 с., Т. 4 – 452 с., Т. 5. – 480 с., Т. 6 – 544 с., Т. 7 – 535 с., Т. 8 – 459 с., Т. 9 – 611 с., Т. 10 – 384 с., Т. 11 – 703 с., Т. 12 – 716 с., Т. 13 – 628 с.
13. Осипова Н.О. Поэзия русской эмиграции как семиотическая система // «В рассеянии сущие...»: культурологические чтения «Русская эмиграция XX века»: сб. докл. / Отв. редактор И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. 384 с.
14. Полехина М.М. Творчество Марины Цветаевой в контексте культуры: учебное пособие к спецкурсу для студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений (для бакалавриата). М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 244 с.
15. Полехина М.М. Художественные искания в русской поэзии первой трети XX века (М. Цветаева и В. Маяковский. Художественная космогония). М.: Прометей, 2002. 308 с.
16. Сазонова Ю. Тема смерти в современной советской литературе // Современные записки. 1928. №35. С. 493-506.
17. Федотов. Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии руссской истории и культуры. В 2 т. Т.1. СПб.: София, 1991. 216 с.
18. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
19. Цветаева М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 1994. 720 с.
20. Эпштейн М. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М.: АСТ- Пресс, 2013. 416 с.

Об авторах:

Полехина Майя Мударрисовна – д.филол.н., профессор МГИМО МИД России. Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3. E-mail:illusio2008@yandex.ru.
Осипова Нина Осиповна – д.филол.н., профессор Вятского государственного университета. Россия, 610000, г. Киров, ул. Московская, д.36. E-mail:nina.osipova@list.ru.

RUSSIAN REVOLUTION IN PHILOSOPHICAL-AESTHETIC PARADIGM OF LITERATURE AND CULTURE OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

M.M. Polekhina, N.O. Osipova

Abstracts. *The article analyzes binary nature of the Russian culture of the first post-revolutionary years emerging as a part of world culture and at the same time preserving its uniqueness and originality. Paradoxicality of certain facts of the Russian history, especially the events of the 1917 revolution, was reflected in the peculiarities of the artistic consciousness of Russian writers, being reproduced in a tragic character of their works. Unlike Western artistic creativity, Russian literature of the first post-revolutionary years is characterized not by the trinity, but by the duality of artistic research. Binary constructions of the Russian culture are often aimed at complete destruction of previous experience in the philosophical-aesthetic system as flawed and unsustainable. Russian culture constructing in deposystem art space is determined by higher values. Russian thirst for absolute freedom in practice resulted in blood and violence, idealization of love – in enmity and hatred. This was manifested in writers' desire to bring the European triad to the dyad, to present the way of compromise and truth as the way above the fray, the way to nowhere. Supporting literature theorists' idea of the dual basis of the Russian culture, we deal with the emergence of new humanistic meanings occurring between the poles of the dual opposition. Not a middle plane is meant here, but the area outside these main areas. The best examples of the Russian literature of the first post-revolutionary years are striving to overcome the duality, to reach the balance of the poles, to breakthrough to a new artistic sphere.*

Key words. *Polylogue of cultures, the ambivalence of consciousness, Russian literature, revolution.*

References:

1. Averincev S.S. *Pojetika rannevizantijskoj literatury* [The poetics of early Byzantine literature]. Moscow: Nauka, 1977. 320 p. (In Russian).
2. Ahiezer A.S. Ob osobennostjah sovremennogo filosofstvovanija. Vzgljad iz Rossii [On the features of modern philosophizing. A glance from Russia]. *Voprosy filosofii - Questions of philosophy,* 1995, no.12, pp. 3-20 (In Russian).
3. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenii. V 7 t. T.5* [Collected Works. In 7 t. T. 5]. Moscow: Russkie slovari, 1996. 732 p. (In Russian).
4. Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world view]. Moscow: Respublika, 1994. 301 p. (In Russian).
5. Berdjaev N. *Filosofija tvorchestva, kul'tury i iskusstva. V 2-h t. T. I* [Philosophy of creativity, culture and art. In 2 t. T. I]. Moscow: Iskusstvo, 1994. 542 p. (In Russian).
6. Berdjaev N. *Filosofija tvorchestva, kul'tury i iskusstva V 2-h t. T. II* [Philosophy of creativity, culture and art. In 2 t. T. II]. Moscow: Iskusstvo, 1994. 510 p. (In Russian).
7. Berdjaev N. *Russkaja ideja. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka* [Russian idea. The main problems of n thought of the nineteenth century and the beginning of the twentieth century]. Paris: YMCA-Press, 1971. 540 p. (In Russian).
8. Bunin I. *Okajannye dni* [Cursed days]. Moscow: Molodaja gvardija, 1991. 336 p. (In Russian).
9. Vejdle V. *O pojetah i pojezii* [About poets and poetry]. Paris: YMCA-Press, 1973. 204 p. (In Russian).
10. Voloshin M. *Stihotvorenija i pojemy. V 2-h tomah. T. I* [Poems and poems. In 2 t. T. I]. Paris: YMCA-Press, 1982. 379 p. (In Russian).
11. Lotman Ju.M. Struktura hudozhestvennogo teksta [Structure of the literary text]. Ju.M. Lotman. *Ob iskusstve* [About art]. Saint-Petersburg: Iskusstvo – SPB, 1998. 487 p. (In Russian).

12. Majakovskij V.V. *Polnoye sobranie sochinenii. V 13 t.* [Full composition of writings. V 13 t.]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1955-1961. T. 1 – 464 p., T. 2 – 520 p., T. 3 – 640 p., T. 4 – 452 p., T. 5. – 480 p., T. 6 – 544 p., T. 7 – 535 p., T. 8 – 459 p., T. 9 – 611 p., T. 10 – 384 p., T. 11 – 703 p., T. 12 – 716 p., T. 13 – 628 p. (In Russian).
13. Osipova N.O. Pojezija russkoj jemigracii kak semioticheskaja sistema [Poetry of the Russian emigration as a semiotic system]. *«V rassejanii sushhie...»: kul'turologicheskie chtenija «Russkaja jemigracija XX veka»: sb.dokl.* [«In the Diaspora...»: a cultural reading «Russian emigration of the twentieth century»] / Otv. redaktor I.Ju. Beljakova. Moscow: Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, 2006. 384 p. (In Russian).
14. Polehina M.M. *Tvorchestvo Mariny Cvetaevoj v kontekste kul'tury: uchebnoe posobie k speckursu dlja studentov gumanitarnyh fakul'tetov vysshih uchebnyh zavedenij (dlja bakalavriata)* [Creation of Marina Tsvetaeva in the context of culture. Textbook for special courses for students of humanitarian faculties of higher educational institutions (for undergraduate)]. Moscow: FLINTA: Nauka, 2015. 244 p. (In Russian).
15. Polehina M.M. *Hudozhestvennye iskanija v russkoj pojezii pervoj treti HH veka (M. Cvetaeva i V. Majakovskij. Hudozhestvennaja kosmogonija)* [Artistic search in Russian poetry of the first third of the twentieth century (M. Tsvetaeva and V. Mayakovsky, artistic cosmogony)]. Moscow: Prometej, 2002. 308 p. (In Russian).
16. Sazonova Ju. Tema smerti v sovremennoj sovetskoj literature [The theme of death in the modern Soviet literary]. *Sovremennye zapiski - Contemporary notes,* 1928, no.35, pp. 493-506 (In Russian).
17. Fedotov G.P. *Sud'ba i grehi Rossii: Izbrannye stat'i po filosofii russskoj istorii i kul'tury. V 2 t. T.1* [The fate and sins of Russia: Selected articles on the philosophy of Russian history and culture. V 2 t. T.1]. Saint-Petersburg: Sofija, 1991. 216 p. (In Russian).
18. Hajdegger M. *Bytie i vremja* [Genesis and Time]. Moscow: Ad Marginem, 1997. 452 p. (In Russian).
19. Cvetaeva M. *Sobranie sochinenii. V 7 t. T. 5* [Collected Works. V 7 t. T. 5]. Moscow: Jellis Lak, 1994. 720 p. (In Russian).
20. Jepshtejn M. *Religija posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii* [Religion after Atheism. New possibilities of theology]. Moscow: AST- Press, 2013. 416 p. (In Russian).

About the Authors:

Maya M. Polekhina – Doktor of Sciences (Philology), Professor in Odintsovo Campus of MGIMO. Russia, 119454, Moscow; E-mail: illusio2008@yandex.ru.
Nina O. Osipova – Doktor of Sciences (Philology), Professor, Vyatka State University, Russia nina. E-mail: osipova@list.ru.